

ТЕАТР.

Красная звезда — 1926 — 10 авг. Моск. Госуд. Еврейский Театр.

19 августа в Ленинграде начинаются гастроли Московского Государственного Еврейского театра.

Гастроли ГОСЕТ'а будут происходить в помещении Малого академического театра. В Ленинграде театр покажет почти весь свой

московский репертуар, в том числе и последнюю постановку, не показанную еще в Москве — «137 детских домов». Театр привозит с собой все декорации, костюмы и пр., и спектакли будут идти в том же виде, как они идут в Москве.

По деревянным мосткам повзрачного белорусского местечка — большой деревни с кирпичным заводом, пивной, палисадниками и журавлями пробиралась долгоногая странная фигура, сделанная совсем из другого теста чем весь этот ландшафт. Я смотрел в окно вагона, как этот единственный пешеход черным жуком пробирался между домишками, через хлопотную грязь, с растопыренными руками и золотисто-рыжим отливом черные поля его сюртука. В движении его была такая отрешенность от всей обстановки и в то же время такое зыбкое пути, словно он должен пробегать «от» и «до», как заводная кукла.

Эка, подумаешь, невидаль: долгоногий еврей на деревенской улице. Однако, я крепко запомнил фигуру бегущего ребенка потому, что без него весь этот скромный ландшафт лишился оправдания. Случай, толкнувший в эту минуту на улицу этого сумасшедшего, очаровательно-неловкого, бесконечно-изящного, фарфорового пешехода помог мне осмыслить впечатление от гос. еврейского театра, который я видел незадолго в первый раз.

Да, незадолго перед этим на Киевской улице я готов был подойти к такому же потешному бородачу и спросить его: «Не Альтман ли делал вам костюм». Я спросил бы так, без всякой насмешки, очень искренне: у меня перепутались планы...

Какой счастливый Грановский. Достаточно ему собрать двух-трех синагогальных служек с каптором, позвать свата-шатхена, поймать на улице пожилого коммиссионера — и вот уже готова постановка и даже Альтмана, в сущности, не надо.

Так ли это просто. Конечно, не так. Еврейский театр неоправдывает и оправдывает уверенность, что еврейю никогда и нигде не перестать быть ломким фарфором, не сбросить с себя тончайшего и олухотвореннейшего лапсердака.

Этот парадоксальный театр, по мнению некоторых добролюбовски глубоко-мысленных критиков, объявивший войну еврейскому мешавству и только и существующий для искоренения предрассудков и суеверий, теряет голову, пьянеет как женщина при виде любого еврея и сейчас же тинет его к себе в мастерскую, на фарфоровый завод, обжигает и закаляет в чудесный бисквит, раскрашенную статуэтку зеленого шатхена-кузнечика, коричневых музыкантов еврей-

ской свадьбы Радичева, банкиров с бритыми накладными затылками, танцующих, как целомудренние девушки, взявшись за руку, в кружок.

Пластическая слава и сила еврейства в том, что оно выработало и пронесло через столетия опущенные формы и движения, обладающее всеми чертами моды, непреходящей, тысячелетней. Я говорю не о покрое одежды, который меняется, которым незачем дорожить, мне и в голову не приходит эстетически оправдывать гетто или местечковый стиль: я говорю о внутренней пластике гетто, об этой огромной художественной силе, которая переживает его разрушение и окончательно расцветает только тогда, когда гетто будет разрушено.

Скрипки подыгрывают свадебному танцу. Михоэльс подходит к рампе и, крадучись, с осторожными движениями фавна, прислушивается к минорной музыке. Это фавн, попавший на еврейскую свадьбу, в нерешительности, еще не охмелевший, но уже раздраженный колючей музыкой еврейского мипузета. Эта минута нерешительности, быть может, выразительней всей дальнейшей пляски. Дробь на месте, и вот уже пришло опьянение, легкое опьянение от двух-трех глотков изюмного вина, но этого уже достаточно, чтобы закружилась голова еврея: еврейский Дионис нетребователен и сразу дарит веселье.

Во время пляски лицо Михоэльса принимает выражение мудрой усталости, и грустного восторга, как бы маска еврейского народа, приближающаяся к апатичности, почти неотличима от нее.

Здесь пляшущий еврей подобен водителю античного хора. Вся сила юдонизма, весь ритм отвлеченной, пляшущей мысли, вся гордость пляски, единственным побуждением которой в конечном счете является сострадание к земле — все это уходит в дрожание рук, в вибрацию мыслящих пальцев, одухотворенных как членораздельная речь.

Михоэльс — вершина лационального еврейского дендизма — пляшущий Михоэльс, портной Сорокор, сорокалетний дитя, блаженный неудачник, мудрый и ласковый портной.

А вчера — на этой же сцене ангажированные жокейские лапсердаки на стройных девушках-танцовщицах, патриархи, пьющие чай в облаках, как старики на балконе в Гомеле.

О. МАНДЕЛЬШТАМ.